

Вадиму Кулиничеву

Сердечный милый друг, тебя давно уж нет,
но помню, как сейчас, блаженную улыбку,
да-да, киваю вслед — ведь нету в том убытку,
что будто верю я: прошел парад планет...

И он прошел как раз над городом твоим,
и ауру создал: здесь расцветать талантам!
Что делать было нам, беспечным аспирантам,
другого дела нет, как не мечтать двоим...

А нынче я иду по улице твоей,
она, ты знаешь, друг, становится все краше,
и улыбаюсь я словам тогдашним нашим,
но правы ж были мы с тобою, друг, ей-ей!

Жив город и театр, и новые поэты
нам дарят каждый год прекрасные стихи,
художники кладут точнейшие мазки —
все так, как ты мечтал,
и лишь тебя здесь нету...

КОГДА Б НЕ ВОЙНА...

Неброские краски уставшей зимы:
нет солнца, туман и поземка.
Пейзажу под стать едем грустные мы,
друг с другом общаясь негромко.

Въезжает автобус в один городок:
ухабы, проулки, домишки...
Когда б не война, градом стать бы он смог
на зависть другим городишкам.

Но видно, как бьется из всех своих сил —
так хочется стать современным!
Он станет. И он ничего не забыл —
у Россоши память отменна...

* * *

Успейте человеку позвонить,
особенно когда он сильно болен,
когда в движениях совсем не волен,
но хочется ему поговорить.

Успейте человеку позвонить:
он ждет звонка, он рядом с телефоном —
жизнь за окном проходит будто фоном,
а он так хочет, очень хочет жить...

* * *

Когда суета заедает,
и дни убегают грозя,
когда и во сне не летаешь,
и глупостей делать нельзя —
заставь себя встать рано-рано,
лицо повернуть на восток,
где снова ковер златотканый
прошьет вдруг лучистый поток.
И, может, почувствуешь вечность,
и крови услышишь отток...
За солнцем она — бесконечность,
лицо поверни на восток...

* * *

Для России очередь, как для немца пиво:
Мы рождались в очередь, строем в школу шли,
«Ах, дойдет ли очередь, чтоб пожить красиво?» —
Гарнитур-стеночки до небес росли.

Очередь за хлебушком в «кукурузном времени»,
Очередь за импортом, так сказать, «в застой»,
И машины в очередь, и квартиры бременем
Неподъемным кажутся: ведь не холостой.

И в больничку очередь, и в сберкассе очередь,
И на почте очередь — только бы успеть.
Где занять спокойствия, если льется в очи речь,
В уши, в сердце, в голову, что и не стерпеть.

Очередь на транспорте, очередь за книгами —
Наша жизнь талонная, ты почти прошла.
Клерками измучена, рожам и фигами,
Наша жизнь глубинная, как же ты пошла...

За окошком времечко, говорят нам, новое,
Говорят, изменится наш менталитет,
Говорят, рождается общество здоровое,
Говорят, что сбудется... Только веры нет.

КАНУНЫ

Когда-нибудь, на склоне ваших лет,
вы это время непременно вспомните,
и с острой ясностью поймете вдруг, что нет
светлей страницы в жизни-многотомнике...
Вас запах юности встревожит, и тогда,
возможно, в поезд сядете, и снова,
оставив за спиною города,
помчитесь в Северный, на Хользунова...
И будет мысль пульсировать: «Нельзя,
нельзя сегодня опоздать к уроку...
Постой, будильник! Слышите, друзья:
бегу, лечу, успеть хочу до срока!».
И будет сердце радостно стучать:
какими были и какими стали!
И будете с печалью узнавать,
кого в пути навеки потеряли...
Но это в будущем (замри покуда, грусть) —
вы все сегодня так бесстрашно юны.
Жизнь перед вами! Собирайтесь в путь!
Все впереди! А за окном — кануны...